

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ КЫРГЫЗОВ ЕНИСЕЯ В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОМ ВРЕМЕНИ (с учетом материалов европейских исследователей XVII–XVIII вв.)*

Анализируются сведения письменных исторических и фольклорных источников, археологические материалы из раскопок и предметы вооружения из музейных коллекций, относящиеся к военному делу енисейских кыргызов в период позднего Средневековья и Нового времени. Рассмотрены исторические свидетельства о военном деле и событиях военной истории енисейских кыргызов, собранные европейскими военными специалистами и учеными в XVII–XVIII вв. Прослежены основные события и результаты предшествующих исследований по данной теме российских археологов и историков оружия в XIX – начале XXI в. Обследованы различные виды наступательного оружия дистанционного и ближнего боя и средства индивидуальной металлической защиты енисейских кыргызских воинов в период противостояния кыргызских княжеств российским властям в долине Среднего Енисея. Реконструирован комплекс боевых средств профессиональных кыргызских воинов-дружинников. Проанализированы находки предметов вооружения, свидетельствующие об использовании кыргызскими воинами луков с костяными накладками и разнотипных железных стрел, предназначенных для поражения не защищенных металлическими доспехами противников и пробивания панцирной брони, метательных и ударных копий, сабель, кинжалов и пластинчатых панцирей и шлемов.

Ключевые слова: военное дело, наступательное и защитное вооружение, енисейские кыргызы, Минусинская котловина, позднее Средневековье, Новое время.

DOI: 10.14258/tpai(2016)1(13).-04

В истории войн и военного искусства тюркских кочевых народов Центрально-Азиатского историко-культурного региона в Средние века и начале Нового времени значительную роль играли енисейские кыргызы, населявшие степные районы Минусинской котловины в Южной Сибири.

Как показали результаты предшествующих исследований, проведенных учеными в 1-й трети XX в., периодом наивысшего подъема в развитии военного дела у средневековых кыргызов была эпоха «Кыргызского Великодержавия», наступившая после решающей победы над уйгурами и завоевания Центральной Азии, и образования Кыргызского каганата в IX–X вв. [Бартольд, 1963, с. 489]. В последующие исторические эпохи, соответствующие развитому и позднему Средневековью, две части кыргызского этноса, оказавшиеся на территории Алтае-Саянской горной страны и Тянь-Шаня, развивались вполне самостоятельно и независимо друг от друга. В процессе этого развития в эпоху позднего Средневековья и начале Нового времени вооружение и военное искусство енисейских кыргызов приобрели свои характерные отличительные особенности.

В настоящей статье исследованы особенности вооружения и военного искусства енисейских кыргызов в период позднего Средневековья и начале Нового времени на завершающем этапе развития их государственности и самостоятельного существования этноса. Особое внимание уделено сведениям о военном деле кыргызов в сочинениях европейских исследователей, внесших значительный вклад в сбор материалов по данной теме на начальном этапе формирования научных знаний.

---

* Работа выполнена по проекту «История военного дела древних и средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии» по договору с РЕЛЕРО.

Одним из первых европейцев, обративших внимание на енисейских кыргызов и их отношение к войне, был шведский капитан Альбрехт Доббин, который приехал в Сибирь в 1666 г. в составе группы европейских военных специалистов под руководством полковника И. фон Эграга для обучения российских воинов для полков «нового строя» [Дмитриев, 2008, с. 21]. Он прослужил офицером в российских войсках в Сибири 17 лет. После возвращения в Европу он составил свое сочинение, посвященное описанию Сибири (см.: [Борисенко, 2013, с. 59]). В дальнейшем его труд использовали другие европейцы. В этом сочинении говорится, что «при реке Томи» обитают «люди, называемые киргизами». Они «не имеют никакого письма, молятся своим лукам и оружию, если хотят быть здоровыми или если что-нибудь поймают». Все «они ездят верхами и очень привычны к войне». Они «живут на большом пространстве, вплоть до монголов, имеют свои жилища на скалах, которые имеются там во множестве» (цит. по: [Алексеев, 1941, с. 394]). Судя по этому описанию, А. Доббин охарактеризовал енисейских кыргызов, которые владели землями не только в верховьях Томи, но и на Среднем Енисее, вплоть до владений халха-монголов и джунгаров. Они отличались воинственностью. Согласно утверждению А. Доббина, кыргызы даже поклонялись оружию. Что касается их «жилищ на скалах и утесах», то, вероятно, он имел в виду кыргызские оборонительные сооружения «све», которые им служили убежищами на случай военной опасности [Готлиб, Бутанаев, 1990, с. 132–133, 139–140]. Помимо енисейских кыргызов, А. Доббин упомянул также тубинцев, которые составляли население одного из кыргызских княжеств на Среднем Енисее. По его словам, «...около же Красноярска живут различные язычники, которые называют себя по именам своих князьков». Среди них «...главнейшие называются тубинцы; они не знают никакого письма, очень привычны к войне». В то же время некоторые из них «...состоят в подданстве его царского величества, некоторые свободны, иные, впрочем, дают также заложников в знак того, что они с его царским величеством хотят быть в мире» (цит. по: [Алексеев, 1941, с. 394]). М.П. Алексеев [1941, с. 398] уточнил, что под названием «Туба» имеется в виду одно из княжеств енисейских кыргызов.

В изданных дневниковых записях Д.Г. Мессершмидта и Ф.И. Табберта о путешествии первой научной экспедиции по Южной Сибири в 1721–1722 гг. содержатся некоторые сведения о событиях военной истории енисейских кыргызов. В ходе поездки Ф.И. Табберта в междуречье рек Белый и Черный Июсы он зафиксировал сведения о том, что недалеко от оз. Кара-Куль стоит знаменитый идол Козен-кис, который изображает женщину. Ему в прошлом «поклонялись киргизы, но накануне их уничтожения было ужасное предзнаменование, когда упала голова, и головы теперь нет» [Мессершмидт, 2012, с. 21]. В дальнейшем Д.Г. Мессершмидт в сопровождении других участников экспедиции смог осмотреть и зарисовать это тюркское изваяние, которое изображало усатого мужчину с саблей на поясе [Messerschmidt, 1962, s. 159–160; Борисенко, Худяков, 2005, с. 71, рис. 14; Борисенко, 2012, с. 47–48]. В долине р. Сыда Д.Г. Мессершмидту удалось записать сведения о войне между войсками Алтын-хана Лочжана и енисейскими кыргызами, во время которой местные «сыдинские татары», состоявшие из «аринцев, киштимцев и тубинцев», подчинились монголам и «многие из них погибли» [Мессершмидт, 2012, с. 25].

Наиболее широкий круг русских источников о военном деле енисейских кыргызов был собран выдающимся историком Г.Ф. Миллером во время путешествия участ-

ников Великой Северной экспедиции по Минусинской котловине в 1739 г. [Вадецкая, 1973, с. 98]. События истории военного противостояния княжеств енисейских кыргызов с российскими властями на Среднем Енисее были изложены ученым в его фундаментальном научном труде по истории Сибири [Миллер, 1998, с. 319–320, 327, 342, 354–368; 1999, с. 316–319; 2000, с. 61, 66–74]. По оценке ученого, обещания военной поддержки со стороны Алтын-хана «...сделали этот народ очень дерзким» [Миллер, 2000, с. 68]. Во время поездки по Минусинской котловине участники экспедиции Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин посетили некоторые городища енисейских кыргызов, которые могут относиться к периоду позднего Средневековья. Ими было осмотрено городище на г. Унюк, расположенное в приустьевой части р. Сыды при впадении в Енисей [Борисенко, 2013, с. 60]. При описании сибирских народов Г.Ф. Миллер отметил, что у «...татар в Красноярском уезде на Июсе и в верховьях Енисея почти каждый имеет ружье». Во время охоты верхом на лошадях «...лук и стрелы гораздо удобнее» [Миллер, 2009, с. 295–296]. По его сведениям, «...красноярские татары свои луки и стрелы приобретают большей частью у камасинцев и котовцев» [Миллер, 2009, с. 298]. У «красноярских татар» были разные типы стрел, среди которых «боевые», «копейчатые», «вильчатые», «долотчатые» железные наконечники и костяные стрелы, у модоров – «боевые», «кибири», «тама-ры» и костяные стрелы [Миллер, 2009, с. 306]. Другой участник Великой Северной экспедиции И.Г. Гмелин предложил в составе первой классификации древних могил Минусинской котловины «киргизские могилы», в инвентаре которых упомянул стрелы [Вадецкая, 1973, с. 99]. О «старинных татарских нагорных крепостях» на Енисее и находках «обломков стрел» в «киргизских могилах» упомянул в своем сочинении по истории Сибири еще один участник Великой Северной экспедиции И.Э. Фишер [1774, с. 512–513]. Как было установлено позднее, «киргизскими могилами» И.Г. Гмелин и И.Э. Фишер называли, вероятнее всего, погребения XVI–XVII вв. племен кыштымов, зависимых от кыргызов [Вадецкая, 1973, с. 99]. Собранные исследователями в XVII–XVIII вв. исторические сведения и описания некоторых памятников и находок предметов вооружения заложили основу дальнейшего изучения военного дела енисейских кыргызов эпохи позднего Средневековья и начала Нового времени.

События военной истории енисейских кыргызов, относящиеся к периодам раннего и развитого Средневековья, описанные в китайских источниках, были впервые проанализированы и обобщены в труде В. Шотта в 1865 г. [Schott, 1865, s. 456–461].

В дальнейшем военное дело енисейских кыргызов XVII – начала XVIII в. изучалось российскими и некоторыми европейскими исследователями. В 1863 г. В.В. Радлов изучал позднесредневековые памятники в Причулымье, в которых были обнаружены предметы вооружения. По находкам русских монет он их датировал [Радлов, 1989, с. 478–479]. Значительные коллекции археологических находок на Среднем Енисее были собраны краеведами, любителями старины и состоятельными людьми. В дальнейшем они оказались в некоторых российских и зарубежных музейных собраниях. При создании каталога предметов, хранящихся в созданном в 1870 г. Минусинском музее, Д.А. Клеменц описал большую серию железных предметов вооружения, среди которых некоторые сабли, кольчуги и панцири могут относиться к эпохе позднего Средневековья и началу Нового времени. Он указал на находки фрагментов кольчужного плетения из местонахождений Каныгино, Каптерево и Кальская, головное кольчужное покрытие из с. Медведское, полностью сохранившиеся кольчуги-юшманы в виде ру-

бахи с короткими рукавами и разрезом спереди, одна из которых была найдена в тайге в русле р. Табат, а сохранилась «...в семействе Д.К. Доможакова от предков киргизско-го происхождения». Им кратко описаны «...29 железных 4-угольных пластин, слегка выгнутых с наружной стороны, с закругленными углами и железными же заклепками» из д. Каменки [Клеменц, 1886, с. 166]. В отличие от других исследователей, обращавшихся к изучению средневековых памятников Среднего Енисея, считавших, что они принадлежат енисейским кыргызам, И.П. Кузнецов отрицал такое отождествление. Он утверждал, что кыргызы могли жить «гораздо южнее Енисейской губернии, может быть между хребтами Танну-Ола и Южным Алтаем» [Кузнецов, 1889, с. 36]. При публикации коллекции древностей, собранных в Минусинской котловине и приобретенных для музея г. Хельсингфорса у П. Товостина, А.М. Талльгрена ввел в научный оборот находку кольчуги с короткими рукавами и разрезом спереди [Tallgren, 1917, рl. XII.-1]. В книге Н.Н. Козьмина прослежены военные столкновения между енисейскими кыргызами и зависимыми от них племенами кыштымов с отрядами русских казаков и служилых людей. При этом енисейские кыргызы подвергались нападениям и со стороны восточных монголов. Он отметил поход в 1652 г. в Минусинскую котловину войска правителя халха-монголов Алтын-хана, который осадил отряд своего племянника Мерген-тайши «...в каменном городке ниже Сыды реки» [Козьмин, 1925, с. 60]. Н.Н. Козьмин высоко оценивал деятельность кыргызского князя Иренака, которому при поддержке джунгар удалось совершить несколько походов в российские владения [Козьмин, 1925, с. 63–70]. В начале XVIII в. ойраты угнали енисейских кыргызов в Джунгарию, после чего Минусинская котловина была присоединена к Российскому государству [Козьмин, 1925, с. 84–86]. В 1939 г. В.П. Левашова упомянула в своей популярной книге о военном деле кыргызских княжеств XIII–XVII вв. Она отметила, что «...во время походов, кроме постоянных военных дружин, набиралось войско из рядового населения по аймакам. Войско состояло исключительно из конницы. Основными видами оружия были лук со стрелами и кривые сабли» [Левашова, 1939, с. 64]. Ею введены в научный оборот отдельные позднесредневековые панцирные пластины «из разных мест южной части Красноярского края» [Левашова, 1939, табл. XV.-11–13]. В 1950-х гг. были введены в научный оборот сведения русских письменных источников, в которых указывается, что енисейские кыргызские воины вступали в бой верхом на конях «...с ружьем, с пищалми, и с копьём, и с сайдаки, в пансырях, и куяках, и иных доспехах» [Бахрушин, 1955, с. 182]. Проанализировав эти сведения, С.В. Бахрушин пришел к заключению, что военное дело у кыргызов достигло высокого уровня развития. Если «...в начале XVII в. бой у них был исключительно лучной, но позднее, под влиянием войн с более цивилизованными народами, появились у них не только прекрасной работы куяки, бумажники (доспехи), шишаки, наручники булатные, сулемы (сабли), но даже огнестрельное оружие» [Бахрушин, 1955, с. 182]. Кыргызские доспехи столь высоко ценились, что кыргызские панцири и куяки приобретали русские купцы, которые дорого платили за них, или обменивали на огнестрельное оружие, несмотря на категорические запреты российских властей. По оценке данного исследователя, в ходе сражений енисейские кыргызы «...как все степняки, брали всегда “первым напуском”, стремясь неприятеля “копьем смешивать”. У русских они научились и более сложным военным приемам, например, умели ходить на приступ “за щитами”» [Бахрушин, 1955, с. 182–183]. Однако брать хорошо укрепленные остроги им не удава-

лось – только небольшие острожки. Кыргызы умели сооружать временные «засеки» в лесах и горах. В статье данного автора приведен эпизод, когда в 1692 г. кыргызский отряд под командованием Ороштая успешно оборонялся в засеке в течение дня от русского отряда. Служилые люди дважды ходили на приступ, но «...воровской татарской осады не взяли». Лишь с помощью подошедшего подкрепления это удалось сделать. По мнению С.В. Бахрушина [1955, с. 183], «тяжелые войны», которые пришлось вести енисейским кыргызам с более могущественными соседями, «...способствовали развитию у них воинственности, жестокости». Не со всеми утверждениями данного автора можно согласиться. Чешуйчатые и пластинчатые панцири появились на вооружении у енисейских кыргызских воинов задолго до XVII в. – еще в раннем и развитом Средневековье [Худяков, 1980, с. 119–125]. Вряд ли прием кыргызских воинов атаковать противника, защищаясь щитами, можно приписать русскому влиянию, поскольку он известен с древности [Разин, 1955, с. 77]. В трудах по этнографии хакасов Л.П. Потапов, основываясь на анализе русских письменных источников, утверждает, что енисейские кыргызские воины применяли различные виды оружия и военные доспехи. «В качестве оружия киргизам служили лук и стрелы, копья, а во второй половине XVII в. у них появилось огнестрельное оружие от русских и западных монголов». В источниках упоминаются также «воинские железные доспехи: пацири, куяки». По мнению данного исследователя, «...оружие и воинские доспехи киргизы получали от своих киштымыв-“кузнецов” и прежде всего от шорцев» [Потапов, 1957, с. 20]. По-видимому, енисейские кыргызы недостаточно ценили попадавшие к ним в результате трофеев пушки. При нападении на Ачинский острог они захватили несколько пушек, которые князь Иренак позволил русским казакам увезти к себе [Потапов, 1957, с. 19].

В книге Я.И. Сунчугашева [1979, с. 134, табл. XVIII-1–3] выделены «поздние железные пластинки панцирных доспехов», к числу которых он отнес детали прямоугольной формы из Минусинского музея.

Существенные результаты были достигнуты исследователями в изучении вооружения и военного искусства енисейских кыргызов и кыштымыв. В 1980-х гг. В.Я. Бутанаевым [1981, с. 188–197] были привлечены для анализа военного дела енисейских кыргызов и кыштымыв позднего Средневековья и начала Нового времени хакаские фольклорные источники. В 1984 г. введены в научный оборот предметы наступательного и защитного вооружения из шаманского погребения на памятнике Ортызы-Оба в долине р. Табат в Минусинской котловине [Худяков, Скобелев, 1984, с. 108–113]. На основе изучения этих находок был реконструирован костюм шаманки, включавший защитный пластинчатый доспех и «стреляющую змею», составленную из железных стрел [Худяков, Карпекина, 1984, с. 94–104].

Некоторые предметы вооружения из раскопок В.В. Радловым позднесредневековых памятников в Причулымье введены в научный оборот Н.А. Кренке [1984, с. 137–145]. Находки панцирных пластин, относящихся к защитному вооружению енисейских кыргызов и кыштымыв в период позднего Средневековья, представлены Ю.С. Худяковым и А.И. Соловьевым [1987, с. 148–155, 159–160]. В 1991 г. были проанализированы панцири, кольчуги и шлемы позднесредневековых кыргызских и кыштымских воинов на Среднем Енисее [Худяков, 1991, с. 88–99]. В 1999 г. С.Г. Скобелевым [1999, с. 176–177] рассмотрен сложносоставной лук с костяными накладками и концевыми вкладышами из памятника Монашка в долине р. Качи в лесостепной

зоне Средней Сибири. На площади Айканского селища были найдены железные пластины от пластинчатого панциря и бригандины, секира, железные и костяные наконечники стрел [Скобелев, Мандрыка, 1999, с. 209–211]. В 2000-х гг. изучены особенности вооружения кыргызов и кыштымов в последний период существования кыргызской государственности на Енисее [Худяков, Ким, 2001, с. 70–71; Худяков, 2002, с. 65–88]. В те же годы анализировались сведения о фортификации и военном деле енисейских кыргызов, содержащиеся в трудах европейских военных специалистов и ученых XVII–XVIII вв. [Борисенко, 2007, с. 58–62; 2013, с. 59–61]. Особенности военного дела енисейских кыргызов в XVII в. рассмотрены В.Я. Бутанаевым в обобщающих очерках по истории Хакасии [Очерки..., 2008, с. 217–223]. В последние годы особое внимание было уделено эволюции вооружения енисейских кыргызов и кыштымов под влиянием контактов с русскими казаками и служилыми людьми [Худяков, 2007, с. 126–138; Бобров, Худяков, 2008, с. 635–645; Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 56–69, 71–79; Скобелев, 2007, с. 155–166].

Собранные исследователями в течение предшествующих лет сведения письменных исторических и фольклорных источников, а также археологические материалы позволяют дополнить имеющиеся представления о военном деле енисейских кыргызов в период позднего Средневековья и в начале Нового времени.

Комплекс вооружения енисейских кыргызов в рассматриваемый период включал основные традиционные виды холодного оружия дистанционного и ближнего боя и средства индивидуальной металлической защиты. В XVII в. в ходе военных контактов с русскими и джунгарами они смогли ознакомиться с действием огнестрельного оружия и научились его применять в боевых условиях. Однако отсутствие регулярных источников поступления такого оружия и боеприпасов не позволило енисейским кыргызским воинам использовать его регулярно и достаточно эффективно [Худяков, 2002, с. 73].

В течение всего периода позднего Средневековья и вплоть до Нового времени основным оружием дистанционного боя енисейских кыргызских воинов оставались луки и стрелы. Каких-либо деталей луков в позднесредневековых памятниках енисейских кыргызов не сохранилось, поэтому судить о конструктивных особенностях их кибитей этого времени можно лишь по информативным хакасским фольклорным материалам. Судя по этим данным, кыргызские луки в периоды позднего Средневековья и Нового времени были сложносоставными. Кибити кыргызских луков имели деревянную основу, которую дополняли роговые накладки. По изученным фольклорным сведениям, эти накладки изготавливались из рогов горных козлов [Бутанаев, 1981, с. 191]. Согласно имеющимся описаниям лук был «...трехсоставным с двумя длинными роговыми пластинами с внутренней стороны кибити и с короткой костяной пластиной посередине» [Очерки..., 2008, с. 218]. Полный набор костяных накладок, включая концевые вкладыши, плечевые и срединную фронтальную накладку, был обнаружен в погребении по обряду ингумации на могильнике Монашка в долине р. Качи, в районе проживания качинцев и аринцев [Скобелев, 1999, с. 175–180]. Для поражения противника использовались стрелы с железными наконечниками. Они имели плоское, зигзагообразное и ромбическое сечение пера. Стрелы с плоскими и зигзагообразными наконечниками использовались для поражения не защищенных металлическими доспехами противников. Среди плоских наконечников чаще других применялись стрелы с асимметрично-ромбической, удлинненно-ромбической, овально-крылатой

и секторной формами пера (рис. 1.-1, 4–5). Наряду с подобными стрелами, применялись также плоские наконечники с тупым и вильчатым острием и боеголовковой формой пера (рис. 1.-2–3, 6). Среди наконечников с зигзагообразным пером были стрелы овально-крылатый формы и томары (рис. 1.-10). Считается, что подобные стрелы проворачивались во время полета, поэтому летели дальше, чем плоские стрелы, и точнее попадали в цель. Для поражения воинов в панцирях или кольчугах кыргызы использовали стрелы с ромбическими в сечении наконечниками, выделенной боевой головкой и удлиненной шейкой (рис. 1.-11). Среди подобных наконечников были стрелы с асимметрично-ромбическим пером [Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 58–59]. В хакасском фольклоре упоминаются и другие различные формы стрел, которым не найдено аналогий в предметном комплексе. Некоторые из них в фольклорных источниках именуются кыргызскими стрелами – «хыргыс угь» [Бутанаев, 1981, с. 193]. Некоторые крупные наконечники снабжались костяными шариками – свистунками (рис. 1.-12). В русских источниках упоминается, что у енисейских кыргызов были «стрелы с грозами», которые кыргызские князья посылали российским воеводам в качестве символического послания, означавшего объявление войны [Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 61]. В 1669 г. в ясашные волости Ачинского и Мелетского острогов князь Иренак присылал «ясашным людям стрелы с грозами» и грозил войною [Очерки..., 2008, с. 219]. Тамга в виде лука со стрелой использовалась потомками енисейских кыргызов в составе современных хакасов вплоть до периода этнографической современности [Очерки..., 2008, с. 218]. Русские казаки и служилые люди, которым приходилось на протяжении всего XVII столетия противостоять енисейским кыргызским воинам в ходе военных столкновений, считали луки и стрелы их основным оружием. В русских источниках о кыргызских воинах говорится, что «...бой у них лучной» [Потапов, 1957, с. 18]. Кыргызские воины носили луки в специальных чехлах – «саадах», помещая их внутрь таких чехлов с надетой тетивой. Верхняя часть лука накрывалась дополнительным чехлом – «чазаа» [Бутанаев, 1981, с. 61]. Судя по фольклорным данным, у кыргызов были кожаные налучья полуовальной формы с вытянутым нижним концом, в которые лук помещался на половину своей длины. Подобные налучья получили широкое распространение у кочевых народов Центральной Азии в период позднего Средневековья [Худяков, 2002, с. 69]. Вероятно, кыргызские воины хранили и носили стрелы не только в кожаных, но и в берестяных колчанах. Изображение подобного колчана в виде полуовального чехла, внутрь которого помещены стрелы наконечниками внутрь, а оперением вверх, имеется на петроглифическом памятнике Городовая Стена в долине Енисея [Messerschmidt, 1962]. Подобные колчаны получили распространение у тюркских и монгольских кочевых народов Центральной Азии в период позднего Средневековья. Помимо луков и стрел, в хакасском фольклоре в качестве оружия дистанционного боя населения Среднего Енисея упоминаются арбалеты [Бутанаев, 1981, с. 192]. Однако никаких других свидетельств использования подобного оружия енисейскими кыргызскими воинами в других источниках не имеется.

Для поражения противника на ближних дистанциях кыргызские воины использовали метательные копья. На территории Минусинской котловины обнаружены железные наконечники метательных копий (рис. 1.-18). Они имеют плоское в сечении перо удлиненно-ромбической формы, с односторонним коротким шипом или завитками-отрожками на шейке, длинной конусовидной втулкой [Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 62].

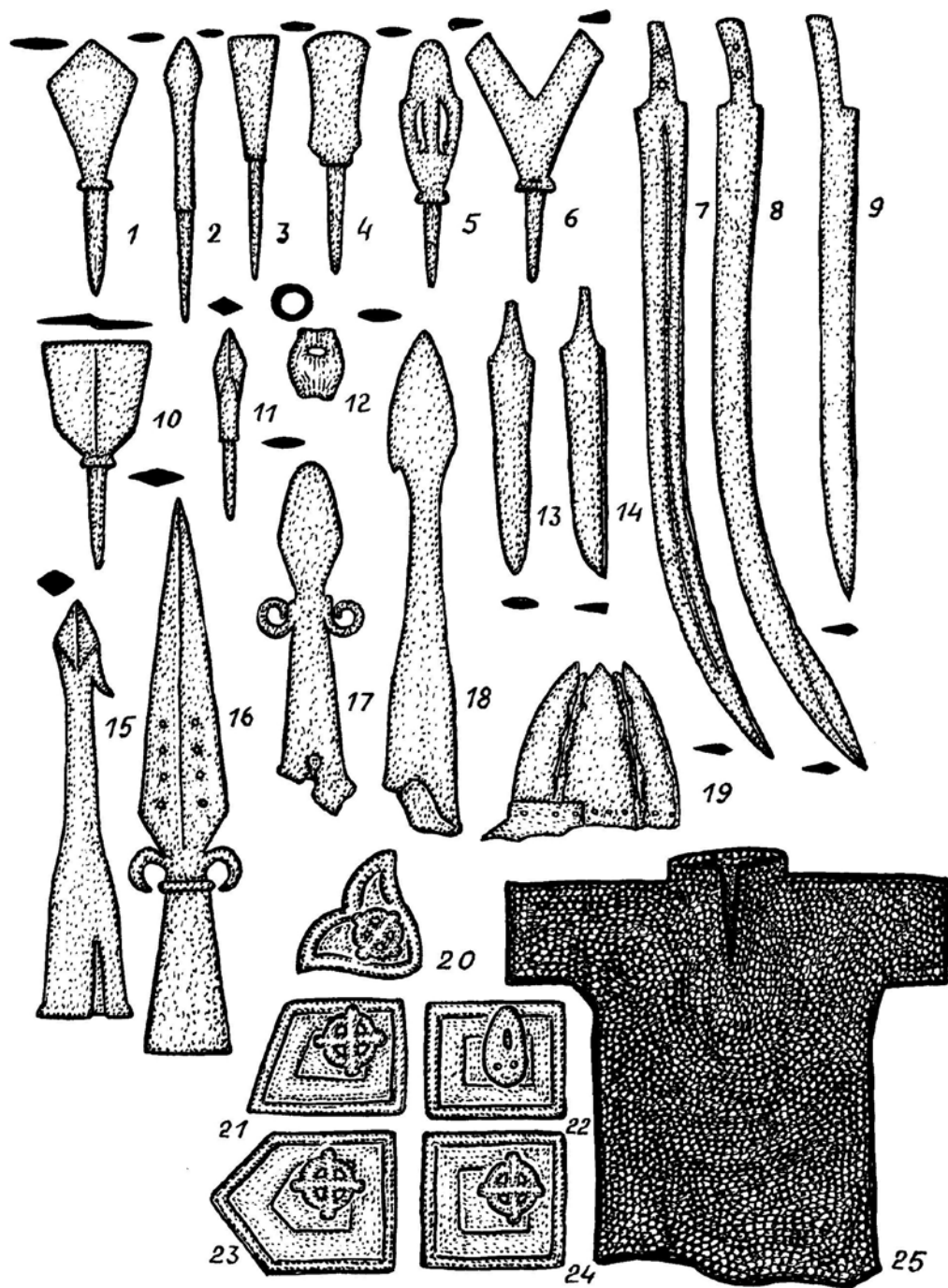

Рис. 1. Вооружение енисейских кыргызских воинов в период позднего Средневековья: 1-6, 10-11 – наконечники стрел; 7-9 – сабли; 12 – свистунка; 13, 16-18 – копья и дротики; 14 – кинжал; 15 – боевой нож; 19 – шлем; 20, 22-25 – панцирные пластины; 21 – кольчуга

В ближнем бою кыргызские воины применяли копья колющего действия с уплощенно-линзовидным или ромбическим в сечении пером удлинненно-ромбической формы (рис. 1.-13, 16–17). Среди них были укороченные наконечники с боковым шипом, длинной шейкой и короткой конусовидной несомкнутой втулкой. Массивные ударные копья с удлинненно-ромбическим пером, с рядами небольших отверстий на гранях, с завитками-отрожками и кольцом на шейке могли использоваться для пробивания панцирной или кольчужной брони [Худяков, 2002, с. 70–71]. Копья с завитками-отрожками, вероятно, могли быть заимствованы или приобретены у русских и европейских воинов, противостоявших в составе российских войск енисейским кыргызам в XVII в. [Бобров, Худяков, 2010, с. 178–179]. Ударные копья – «чыда» упоминаются в качестве оружия ближнего боя в хакасском фольклоре. Однако содержащиеся в хакасском фольклоре сведения об использовании копий для атаки с упором древка в переднюю луку седла представляются недостоверными [Бутанаев, 1981, с. 190]. На некоторых наконечниках копий имелись железные крюки, которыми противников могли стащить с седла: «...они побитые тела утаскивают крюками к себе» [Очерки..., 2008, с. 218]. В ближнем и рукопашном бою кыргызские воины атаковали противника саблями. Среди сабель, обнаруженных в разное время в Минусинской котловине, имеются длинные, плавно изогнутые клинки с елманью и долами, рукояти которых отогнуты в сторону лезвия (рис. 1.-7–8). Подобные клинки стали широко применяться в позднем Средневековье и Новое время. Среди сабель, обнаруженных на Среднем Енисее, имеются привозные клинки, изготовленные в Средней Азии [Худяков, 2002, с. 70]. У них были на вооружении и прямые клинки с отогнутой в сторону лезвия рукоятью (рис. 1.-9). Сабли использовались и в ритуальных целях. У енисейских кыргызских воинов существовала особая клятва на сабле, во время которой они облизывали «с клинка кровь разрубленной собаки, или съедая с конца острия хлеб» [Очерки..., 2008, с. 218]. В русских источниках описывается, как князцы енисейских кыргызов «шертуют по своей вере», во время клятвы рассекают собаку и проходят через нее, говоря «...его де та палма рассекет также, что ту собаку рассекет» [Потапов, 1957, с. 21]. Помимо сабель, кыргызские воины применяли для нанесения ударов по противнику в рукопашном бою кинжалы и боевые ножи (рис. 1.-14–15). В хакасском фольклоре упоминаются боевые топоры, или секиры, – «ай-палты», у которых было широкое лезвие, похожее на полумесяц [Бутанаев, 1981, с. 190]. Такая секира была обнаружена на Айканском селище под Красноярском, поселении «подгородних татар», относящемся к XVII в. [Скобелев, Мандрыка, 1999, с. 209]. Воины могли использовать в качестве боевого оружия и приобретенные у русских железные топоры [Худяков, Скобелев, 1984, с. 110]. Судя по фольклорным данным, на вооружении у кыргызских воинов были также булавы и кистени [Бутанаев, 1981, с. 190].

Енисейские кыргызские воины обладали эффективным защитным вооружением. Они имели пластинчатые панцири куяки и бригадины, кольчуги [Худяков, 1991, с. 89–95]. Панцирные доспехи для них изготавливали кыштымы – шорские оружейники [Потапов, 1957, с. 20, 53]. В хакасских фольклорных источниках упомянуты кыргызские «куяки» – панцири и кольчуги из железных пластин и колец (рис. 1.-20–25). Использовались и кожаные доспехи [Очерки..., 2008, с. 220]. Для защиты головы кыргызскими воинами применялись сфероконические шлемы с куполом, составленным из железных пластин, и козырьком (рис. 1.-19). Подобные шлемы и доспехи были у про-

фессиональных воинов-дружинников [Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 64]. В хакасских фольклорных источниках описаны шлемы с забралом, гребнями и перьями [Бутанаев, 1981, с. 188–189]. Вероятно, таким образом описывались джунгарские шлемы с высоким куполом и плюмажами из конского волоса [Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 64]. В целом комплекс вооружения енисейского кыргызского профессионального воина-дружинника включал саадак с луком и стрелами, метательное и ударное копье, саблю в ножнах, кинжал или боевой нож, шлем, внутренний панцирь – куяк или кольчугу и щит (рис. 2).

Рис. 2. Реконструкция позднесредневекового енисейского кыргызского воина

В XVII в., в результате контактов с русскими и джунгарами, у енисейских кыргызов появилось огнестрельное оружие. Кыргызские воины научились стрелять из пищалей, мушкетов и винтовок [Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 67–68]. Несмотря на запреты царских властей, некоторые служилые люди и промышленники продавали кыргызам пищали и боеприпасы или обменивали огнестрельное оружие на пушнину, защитные доспехи и нарядное конское убранство. В фольклорных источниках упоминаются в качестве оружия кыргызских воинов ружья и пушки [Бутанаев, 1981, с. 194]. В русских источниках есть упоминания о том, что бой у кыргызов был не только «лучной», но и «пищальный» [Очерки..., 2008, с. 220].

Основной ударной силой войск кыргызских княжеств были отряды панцирной конницы, составленные из самих кыргызов, а также подразделения легковооруженной кавалерии, сформированные из вассальных племен-кыштымов. Кыргызские батыры, составлявшие княжеские дружины, были профессиональными воинами, которые охраняли ставки князей и обеспечивали их властные полномочия среди подвластного населения. По сведениям русских источников, «... всегда опасно от кыргызов, которых человек с 1000, только гораздо воисты». По другим данным, всего «... садится их на лошади с копьями в куяках человек с четырехсот, да человек с пятьсот садится в саадацах и древками». Без конницы с ними «биться не можно» [Очерки..., 2008, с. 217]. Вероятно, из-за нехватки кыргызских воинов в состав отрядов панцирной кавалерии в конце XVII – начале XVIII в. стали принимать и кыштымов. Об этом может свидетельствовать находка панцирных пластин, меча и боевого опора в погребении шаманки на памятнике Ортызы-Оба [Худяков, Скобелев, 1984, с. 108–110]. В ходе военных действий военным отрядам конных копейщиков удавалось одерживать военные победы над противниками в ближних боях. По фольклорным сведениям, наиболее боеспособные отряды панцирной кавалерии размещались в центре войска, а на флангах – отряды легковооруженных лучников. Во время таранных атак панцирные всадники стремились прорвать построение противника, а конные лучники атаковали на флангах [Бутанаев, 1981, с. 195]. В ходе военных действий с отрядами русских казаков и служилых людей кыргызские панцирные всадники иногда «копьем смешивали» своих противников. Атакуя противника, кыргызские воины применяли боевой клич «хуух», который был подражанием клетоту ворона, нацеленного на падаль. По такому кличу воины должны были приходить на помощь к попавшим в беду сородичам. Преодолевая водные преграды, кыргызские воины переправлялись через реки вместе со своими лошадьми. В качестве оберегов воины носили бараньи астрагалы, коленные чашечки или плюсны [Очерки..., 2008, с. 220–221].

При хорошем знании местности енисейские кыргызы стремились заманивать противника в засады. В качестве укрытий на случай военной опасности и для долговременной обороны кыргызы сооружали нагорные крепости – «све», а также длинные каменно-земляные валы и рвы – «хыргыс оранмары» [Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 68]. В случае необходимости использовались для обороны и временные укрепления из бревен – засеки.

В течение XVII в. княжества енисейских кыргызов находились в вассальной зависимости от халха-монгольских алтын-ханов и правителей Джунгарии. Они были вынуждены принимать участие в войнах в составе войск западных и восточных монголов. Алтын-ханы считали енисейских кыргызов своими «вечными кыштымами», ко-

торых, в случае необходимости, они могли «всех забрать с собой» в Монголию, о чем заявляли российским послам. В середине XVII в. Ирден-тайша потребовал у киргизских князей для реализации своих военных планов «1000 человек на конях и в сбруях и с ружьем», что составляло почти половину всех воинских сил киргизских княжеств [Бутанаев, Худяков, 2000, с. 171]. Еще более суровой была зависимость от правителей Джунгарии. Некоторым киргизским князьям приходилось нести службу в ставке джунгарских хунтайджи. Известный киргизский князь Иренак и его сын Шап с отрядом в три сотни воинов воевали в составе джунгарской армии на Алтае и погибли в битве на р. Чулышмане у Телецкого озера в 1687 г. В конце XVII в. киргизский князь Даин-Ирка в течение года нес службу в ставке хунтайджи Галдан-Бошукту-хана [Бутанаев, Худяков, 2000, с. 173].

В начале XVIII в. по повелению джунгарского хунтайджи Цевэн-Рабдана енисейских киргизов и часть подвластных племен кыштымов угнали из Минусинской котловины в Джунгарию. Небольшие группы киргизов и кыштымов смогли вернуться на Средний Енисей, однако не сумели сохранить свою этническую идентичность. После угона енисейские киргизы уже не могли играть никакой самостоятельной роли в военной истории Центральной Азии.

Библиографический список

- Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарий. XIII–XVIII вв. Иркутск : ОГИЗ. Иркут. обл. изд-во, 1941. 610 с.
- Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк // Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 1 : Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М. : Изд-во вост. лит-ры, 1963. С. 471–543.
- Бахрушин С.В. Научные труды. М. : Изд-во АН СССР, 1955. Т. III, ч. 2. С. 176–224.
- Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб. : СПбГУ, 2008. 776 с.
- Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Копья с завитками-отрожками как пример взаимовлияния русских, тюркских и монгольских военно-культурных традиций на территории Южной Сибири в XVII–XVIII веках // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 3. С. 174–181.
- Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время : учебное пособие. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2010. 288 с.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2005. 270 с.
- Борисенко А.Ю. Немецкие исследователи XVIII века о военном деле и военных столкновениях енисейских киргизов с русскими в позднем Средневековье // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2007. Т. 6, вып. 3. С. 58–62.
- Борисенко А.Ю. Изучение «татарских древностей» Д.Г. Мессершмидтом и Ф.И. Таббертом на пути из Тобольска до Абаканска (по материалам полевого дневника Д.Г. Мессершмидта за 1721 год) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 3. С. 42–49.
- Борисенко А.Ю. Оборонительные сооружения тюркоязычного населения Западной и Южной Сибири по сведениям западноевропейцев второй половины XVII – первой половины XVIII века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 7. С. 57–63.
- Бутанаев В.Я. Вооружение и военное дело хакасов в позднем средневековье (по материалам фольклора) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1981. С. 188–197.

Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С. История енисейских кыргызов. Абакан : Изд-во Хакас. ун-та, 2000. 272 с.

Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин // Известия лаборатории археологических исследований. Вып. VI. Кемерово : Кем. гос. пед. ин-т, 1973. С. 91–159.

Готлиб А.И., Бутанаев В.Я. Историческая основа хакасского фольклора о крепостных сооружениях – све // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск : ИИФФ СОАН СССР, 1990. С. 132–145.

Дмитриев А.В. Войска «Нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2008. 240 с.

Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. Томск : Изд-во И. Кузнецова, 1886. 185 с.

Козьмин Н.Н. Хакасы. Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края. Иркутск : Изд-во Иркут. секции науч. работ. Рабпроса, 1925. 184 с.

Кренке Н.А. Коллекция В.В. Радлова из раскопок курганов XVII в. в Сибири // Западная Сибирь в эпоху Средневековья. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. С. 137–145.

Кузнецов И.П. Древние могилы Минусинского округа. Томск : Типограф. В.В. Михайлова и П.И. Макушина, 1989. 36 с.

Левашова В.П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939. 68 с.

Мессершмидт Д.Г. Дневники. Томск – Абакан – Красноярск. 1721–1722. Абакан : ООО «Кооператив «Журналист», 2012. 160 с.

Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. М. : Либерея, 1998. 416 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. Изд. 2-е, дополн. М. : Вост. лит-ра, 1999. 630 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. Изд. 2-е, дополн. М. : Вост. лит-ра, 2000. 796 с.

Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов. М. : Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.

Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности). Абакан : Изд-во Хакас. ун-та, 2008. 672 с.

Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан : Хакас. книжн. изд-во, 1957. 307 с.

Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М. : Наука, 1989. 749 с.

Разин Е.А. История военного искусства. М. : Военное изд-во Мин. обороны СССР, 1955. Т. I. 559 с.

Скобелев С.Г. Позднесредневековый лук редкой формы с Енисея // Российская археология. 1999. №3. С. 175–180.

Скобелев С.Г., Мандрыка П.В. Проблемы хронологии некоторых предметов из археологических памятников Евразии русского времени (на материалах Саянского острога и Айканского селища) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2 : Горизонты Евразии. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 1999. С. 208–214.

Скобелев С.Г. Характеристика комплекса вооружения коренного и русского населения Приенисейского края в XVII–XVIII веках, имеющего общее происхождение // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2007. С. 155–169.

Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск : Наука, 1979. 192 с.

Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1774. 632 с.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск : Наука, 1980. 176 с.

Худяков Ю.С., Карпекина М.В. Реконструкция шаманского костюма из могильника Ортызы-Оба // Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск : ИИФФ СОАН СССР, 1984. С. 94–104.

Худяков Ю.С., Скобелев С.Г. Позднесредневековое шаманское погребение в могильнике Ортызы-Оба // Этнография народов Сибири. Новосибирск : Наука, 1984. С. 105–119.

Худяков Ю.С., Соловьев А.И. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск : Наука, 1987. С. 135–163.

Худяков Ю.С. Защитное вооружение кыргызского воина в позднем Средневековье // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 1991. С. 87–100.

Худяков Ю.С., Ким С.А. Вооружение кыргызских кыштымов // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 2001. С. 50–75.

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1721–1727. Berlin : Akademie Verlag, 1962. Theil 1. 379 s.

Schott W. Uber die achten Kirgisen // Abhandlungen die Koniglichen Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1865.

Tallgren A.V. Collection Tovostine des antiquites prehistoriques de Minoussinsk conserves chez le DR. Karl Hedman a Vasa. Helsingfors : K.F. Puromiehen kirjapaino o.-y., 1917. 93 p.

Y.S. Khudyakov, A.Y. Borisenko

**THE COMPLEX OF EQUIPMENT OF THE YENISEI KYRGYZ PEOPLE
IN THE LATE MIDDLE AGES AND MODERN ERA
(taking into account materials of the European
explorers of the 17–18 centuries)**

The article analyses the data from written historical and folklore sources, archaeological materials from excavations and objects of equipment from museum collections, related to the military science of the Yenisei Kyrgyz people in the Late Middle Ages and Modern era. Consideration is given to the historical evidences about military science and events of military history of the Yenisei Kyrgyz, gathered by the European military experts and scientists in the 17–18 centuries. Observation is given to the main events and research made by Russian archaeologists and historians of weapon in the 19 – the beginning of the 21 century. Research was made of the various kinds of offensive weapon of long-range and close combat and individual protective metal devices of the Yenisei Kyrgyz warriors in the period of confrontation between Kyrgyz princedoms and the Russian authorities in the Valley of the Middle Yenisei River. The reconstruction was made of the complex of war equipment of the professional Kyrgyz warriors.

An analysis is given to the pieces of equipment, indicating about the use by the Kyrgyz warriors of the bows with bone side plates and polytypic iron arrows aimed at damaging of the unprotected by metal armour adversaries and at piercing tank armour, plate armour and helmets.

Key words: military science, offensive and protective weapon, Yenisei Kyrgyz, Minusinsk Hollow, Late Middle Ages, Modern era.

References

Alekseev M.P. Sibir v izvestiyakh zapadno-evropeyskikh puteshestvennikov i pisateley. Vvedenie, teksty i komentarii. XIII–XVIII vv. [Siberia in the notes of Western travelers and writers. Introduction, texts and commentary. XIII–XVIII centuries]. Irkutsk : OGIZ. Irkut. obl. izd-vo, 1941. 610 p.

Bakhrushin S.V. Nauchnye trudy [Scientific works]. Moscow : Izd-vo AN SSSR, T. III, part 2, 1955. Pp. 176–224.

Bartold V.V. Kirgizy. Istoricheskiy ocherk [The Kyrgys people. Historical Review]. Bartold V.V., Sochineniya. T. II. Ch. 1: Obschie raboty po istorii Sredney Azii. Raboty po istorii Kavkaza i Vostochnoy Evropy [Works. T. II. Part 1: General works on the history of Central Asia. Works on the history of the Caucasus and Eastern European]. Moscow : Izd-vo vost. lit-ry, 1963. Pp. 471–543.

Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentralnoy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego srednevekoviya i rannego Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.) [Armament and tactics of the nomads of Central Asia and Southern Siberia in the late Middle Ages and early modern period (XV – first half of XVIII century)]. St Petersburg : SPbGU, 2008. 776 p.

Bobrov L.A., Borisenko A.Yu., Khudyakov Yu.S. Vzaimodeystvie tyurkskikh i mongolskikh narodov s russkimi v Sibiri v voennom dele v pozdnee Srednevekove i Novoe vremya: uchebnoe posobie [Interaction between Turkic and Mongolian peoples in Siberia and the Russians in the military in the late Middle Ages and modern time: a textbook]. Novosibirsk : Novosib. gos. un-t, 2010. 288 p.

Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. Kopya s zavitkami-otrozhkami kak primer vzaimovliyaniya russkikh, tyurkskikh i mongolskikh voenno-kulturnykh traditsiy na territorii Yuzhnoy Sibiri v XVII–XVIII vekakh [Spears with swirls-horns as an example of interference of Russian, Turkic and Mongol military and cultural traditions in South Siberia in the XVII–XVIII centuries]. Vestnik Novosib. gos. un-ta. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. Vol. 9, 3. 2010. Pp. 174–181.

Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentralnoy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego srednevekoviya i rannego Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.). St. Petersburg : SPbGU, 2008. 776 p.

Borisenko A.Yu. Izuchenie “tatarskikh drevnostey” D.G. Messerschmidtom i F.I. Tabbertom na puti iz Tobolska do Abakanska (po materialam polevogo dnevnika D.G. Messerschmidta za 1721 god) [The study of “Tatar Antiques” by D.G. Messerschmidt and F.I. Tabbert on the way from Tobolsk to the Abakan (based on field diary of D.G. Messerschmidt DG for 1721)]. Vestnik Novosib. gos. un-ta. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. Vol. 11, 3. 2012. Pp. 42–46.

Borisenko A.Yu. Nemetskie issledovateli XVIII veka o voennom dele i voennykh stolkoveniyakh eniseyskikh kyrgyzov s russkimi v pozdnem Srednevekove [German researchers of the XVIII century of warfare and military clashes between the Yenisei Kyrgyz and the Russians in the late Middle Ages]. Vestnik Novosib. gos. un-ta. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. Vol. 6, 3. 2007. Pp. 58–62.

Borisenko A.Yu. Oboronitelnye sooruzheniya tyurkoyazychnogo naseleniya Zapadnoy i Yuzhnoy Sibiri po svedeniyam zapadnoevropeytshev vtoroy poloviny XVII – pervoy poloviny XVIII veka [Defensive constructions of Turkic-speaking population of Western and Southern Siberia, according to the information of Western Europeans of the second half of XVII – the first half of the XVIII century]. Vestnik Novosib. gos. un-ta. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. Vol. 12, 7, 2013. Pp. 57–63.

Borisenko A.Yu., Khudyakov Yu.S. Izuchenie drevnostey Yuzhnoy Sibiri nemetskimi uchenymi XVIII–XIX vv. [The study of South Siberia Antiquities by German scientists in the XVIII–XIX centuries]. Novosibirsk : Novosib. gos. un-t, 2005. 270 p.

Butanaev V.Ya. Vooruzhenie i voennoe delo khakasov v pozdnem srednevekove (po materialam folkloru) [Weapons and military affairs of the Khakases in the late Middle Ages (based on folklore)]. Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentralnoy Azii [Military Science of the ancient tribes of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk: Nauka, 1981. Pp. 188–197.

Butanaev V.Ya., Khudyakov Yu.S. Istoriya eniseyskikh kyrgyzov [History of the Yenisei Kyrgyz]. Abakan : Izd-vo Khakas. un-ta, 2000. 272 p.

Dmitriev A.V. Voyska “Novogo stroya” v Sibiri vo vtoroy polovine XVII veka [The troops of the “New order” in Siberia in the second half of the XVII century]. Novosibirsk : Novosib. gos. un-t, 2008. 240 p.

Fisher I.E. Sibirskaya istoriya s samogo otkrytiya Sibiri do zavoevaniya sey zemli rossiyskim oruzhiem [Siberian history from the opening of Siberia to the conquest of the land by Russian weapons]. St. Petersburg : Tip. Imp. Akad. nauk, 1774. 632 p.

Gotlib A.I., Butanaev V.Ya. Istoricheskaya osnova khakasskogo folkloru o krepostnykh sooruzheniyakh – sve [The historical basis of the Khakass folklore of fortifications – sve]. Pamyatniki kyrgyzskoy kul'tury v Severnoy i Tsentralnoy Azii [Monuments of Kyrgyz culture in North and Central Asia]. Novosibirsk : IFF SOAN SSSR, 1990. Pp. 132–145.

Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie eniseyskikh kyrgyzov VI–XII vv. [The armament of the Yenisei Kyrgyz in the VI–XII centuries]. Novosibirsk : Nauka, 1980. 176 p.

Khudyakov Yu.S., Karpekina M.V. Rekonstruktsiya shamanskogo kostyuma iz mogilnika Ortyzy-Oba [Reconstruction of the shamanic costume from the Ortyzy-Oba burial]. Problemy rekonstruktsiy v arkhologii [Problems of reconstruction in archaeology]. Novosibirsk : IFF SOAN SSSR, 1984. Pp. 94–104.

Khudyakov Yu.S., Kim S.A. Vooruzhenie kyrgyzskikh kyshtymov [Armament of the Kyrgyz Kyshtyms]. Voprosy voennogo dela i demografii Sibiri v epokhu srednevekoviya [Questions of military affairs and demography of Siberia in the Middle Ages]. Novosibirsk : Izd-vo Novosib. un-ta, 2. Pp. 50–75.

Khudyakov Yu.S., Skobelev S.G. Pozdnesrednekovoe shamanskoe pogrebenie v mogil' nike Ortyzy-Oba [Shamanic late Medieval burial in the Ortyzy-Oba mound]. Etnografiya narodov Sibiri [Ethnography of Siberian peoples]. Novosibirsk : Nauka, 1984. Pp. 105–119.

Khudyakov Yu.S., Solovov A.I. Iz istorii zaschitnogo dospekha v Severnoy i Tsentralnoy Azii [From the history of protective armor in North and Central Asia]. Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoy Azii [Military science of the ancient population of North Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1987. Pp. 135–163.

Khudyakov Yu.S. Zaschitnoe vooruzhenie kyrgyzskogo voina v pozdnem Srednevekove [Protective weapons of Kyrgyz warriors in the late Middle Ages]. Problemy srednevekovoy arkhologii Yuzhnoy Sibiri i sopredelnykh territoriy [Problems of medieval archaeology of South Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk : Novosib. gos. un-t, 1991. Pp. 87–100.

Klements D.A. Drevnosti Minusinskogo muzeya. Pamyatniki metallicheskih epoch [Antiquities of the Minusinsk museum. Monuments of metal eras]. Tomsk : Izd. I. Kuznetsova, 1886. 185 p.

Kozmin N.N. Khakasy. Istoriko-etnograficheskiy i khozyaystvennyy ocherk Minusinskogo kraya [Khakassia. Historical, ethnographic and economic outline of the Minusinsk krai]. Irkutsk : Izd-vo Irkut. sektsii nauch. rabot. Rabprosa, 1925. 184 p.

Krenke N.A., Kolleksiya V.V. Radlova iz raskopok kurganov XVII v. v Sibiri [Collection of V.V. Radloff from the mounds of XVII century in Siberia]. Zapadnaya Sibir v epokhu Srednevekovya [Western Siberia in the Middle Ages]. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1984. Pp. 137–145.

Kuznetsov I.P. Drevnie mogily Minusinskogo okruga [Ancient graves of the Minusinsk District]. Tomsk : Tipograf. V.V. Mikhaylova i P.I. Makushina, 1989. 36 p.

Levashova V.P. Iz dalekogo proshlogo yuzhnoy chasti Krasnoyarskogo kraya [From the distant past of the southern part of the Krasnoyarsk krai]. Krasnoyarsk, 1939. 68 p.

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1721–1727. Berlin : Akademie Verlag, Theil 1. 1962. 379 p.

Messerschmidt D.G. Dnevnik. Tomsk – Abakan – Krasnoyarsk. 1721–1722 [Diaries. Tomsk – Abakan – Krasnoyarsk. 1721–1722. Abakan : OOO “Kooperativ “Zhurnalist”, 2012. 160 p.

Miller G.F. Istoriya Sibiri [History of Siberia]. Vol. I. Izd. 2-e, dopoln. Moscow : Vost. lit-ra, 1999. 630 p.

Miller G.F. Istoriya Sibiri [History of Siberia]. Vol. II. Izd. 2-e, dopoln. Moscow : Vost. lit-ra, 2000. 796 p.

Miller G.F. Opisanie sibirskikh narodov [The description of the Siberian people]. Moscow : Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2009. 456 p.

Miller G.F. Opisanie Sibirskogo tsarstva i vseh proisshedsikh v nem del ot nachala, a osoblivo ot pokoreniya ego Rossiyskoy derzhave po sii vremena [Description of the Siberian kingdom, and everything that occurred there from the beginning, and especially from its conquest by the Russian state up to the present time]. Moscow : Libereya, 1998. 416 p.

Ocherki istorii Khakasii (s drevneyshikh vremen do sovremennosti) [Essays on the history of Khakassia (from ancient to modern times)]. Abakan : Izd-vo Khakas. un-ta, 2008. 672 p.

Potapov L.P. Proiskhozhdenie i formirovanie khakasskoy narodnosti [The origin and formation of the Khakass nation]. Abakan : Khakas. knizhn. izd-vo, 1957. 307 p.

Radlov V.V. Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika [Pages from the diary]. Moscow : Nauka, 1989. 749 p.

Razin E.A. Istoriya voennogo iskusstva [The history of military art]. Moscow : Voennoe izd-vo Min. oborony SSSR. Vol. I, 1955. 559 p.

Schott W. Uber die achten Kirgisen // Abhandlungen die Koniglichen Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1865.

Skobelev S.G. Kharakteristika kompleksa vooruzheniya korennoy i russkoy naseleniya Prieni-seyskogo kraya v XVII–XVIII vekakh, imeyushchego obshchee proiskhozhdenie [Features of the weapons of the native and indigenous Russian population in the Yenisei region in the XVII–XVIII centuries which have a common origin]. Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Sibiri i Tsentralnoy Azii [Weapons and military affairs of the nomads of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Novosib. gos. un-t, 2007. Pp. 155–169.

Skobelev S.G. Pozdnesrednevekovyy luk redkoy formy s Eniseya [Late Medieval bow of a rare form from of the Yenisei]. Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology], 3, 1999. Pp. 175–180.

Skobelev S.G., Mandryka P.V. Problemy khronologii nekotorykh predmetov iz arkheologicheskikh pamyatnikov Evrazii russkogo vremeni (na materialakh Sayanskogo ostroga i Aykanskogo selischa) [Problems of chronology of some items from the archaeological sites of Eurasia of Russian time (on the materials of the Sayan fortress and Aykansky Village)]. Evraziya: kulturnoe nasledie drevnikh tsivilizatsiy. Vyp. 2 : Gorizonty Evrazii [Eurasia: the cultural heritage of ancient civilizations. Vol. 2 : Horizons of Eurasia]. Novosibirsk : Novosib. gos. un-t, 1999. Pp. 208–214.

Sunchugashev Ya.I. Drevnyaya metallurgiya Khakasii. Epokha zheleza [Ancient metallurgy of Khakassia. The age of Iron]. Novosibirsk : Nauka, 1979. 192 p.

Tallgren A.V. Collection Tovostine des antiquites prehistoriques de Minoussinsk conserves chez le DR. Karl Hedman a Vasa. Helsingfors : K.F. Puromiehen kirjapaino o.-y., 1917. 93 p.

Vadetskaya E.B. K istorii arkheologicheskogo izucheniya Minusinskikh kotlov [On the history of archaeological study of the Minusinsk Basin]. Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy [Proceedings of the laboratory of archaeological research]. Kemerovo : Kem. gos. ped. in-t, VI, 1973. Pp. 91–159.